

Мина

Из всех своих родственников, принимавших участие в Великой Отечественной войне, в живых я застал одного лишь прадеда – Михаила Яковлевича Кившенко. Мобилизованный в первые дни войны, прошедший боевой путь от Ленинграда до Праги, закаленный в огне многих сражений, раненый осколком фашистского снаряда, он многое повидал на фронте. Видимо, именно поэтому дед не любил говорить о войне. И лишь один день в году дед Миша посвящал своим фронтовым воспоминаниям в кругу родных. День Победы – самый святой и почитаемый праздник в нашем доме! В этот день четыре поколения нашей семьи собирались за общим столом, во главе которого в парадном костюме сидел дед, поблескивая орденами и медалями. Через некоторое время после начала застолья он отодвигался от стола, усаживался поудобнее и хорошо поставленным голосом начинал читать наизусть свое любимое:

Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, Снег шершавый, кромка льда...

Читать он мог бесконечно, и поэтому мы начинали потихоньку его донимать:

– Дед, ну что ты нам про Теркина, ты лучше про себя расскажи! – Так это все и есть про меня. –

Нет, дед, ты нам какой-нибудь случай расскажи! Он на минуту задумывался и начинал рассказ.

Я помню много историй из фронтовой жизни деда, но больше всего мне запомнилась вот эта:

Дело было зимой 1941-42 годов в болотистых лесах под Ленинградом. Кавалерийский полк, где я служил командиром взвода конных саперов, находился во вражеском окружении. Людей в полку осталось мало, еще меньше было боеприпасов и продовольствия. Благодаря тому, что активных боевых действий против нас фашисты не вели, мы с трудом удерживали оборону. Однако проникнуть в расположение нашей части для врага не представляло особого труда, и поэтому командир полка приказал мне заминировать участок передовой. Приказ надо выполнять, а взрывчатки в саперном взводе не было. Не было и мин. Зато мы хорошо знали, где расположены минные поля на передовой противника. Вот и решил я взять немецкие мины и закрыть ими свой передний край. Но для этого сначала надо было мины извлечь и обезвредить. Мои саперы не имели достаточного опыта, поэтому я отправился в одиночку. Мины оказались противотанковые, диаметром сантиметров сорок пять, весом килограммов восемь. Извлекать их надо было с большой осторожностью. Часто мина ставится так, что если ее чуть-чуть сдвинуть с места, то она взорвется. Пришлось каждую ощупывать голыми руками со всех сторон и даже снизу, тщательно осмотреть, узнать, нет ли какого секрета. Убедившись в относительной безопасности, привязывал к ручке мины веревку длиной метров десять и тащил мину на «буксире» к своим. Это тоже было рискованно, но ничего лучшего я придумать не смог. Не нашлось и более длинной веревки. Натаскал я этих «лепешек» по две штуки на каждого бойца. Таких мин я никогда не видел и не слышал о них ни на одном военном сборе. Как их разряжать? Взял я одну мину и ушел в лес, подальше от расположения взвода. Сел на снег, положил мину перед собой и стал ее изучать. На ней всякие немецкие надписи, среди которых «предохранитель» и «огонь», а между ними – плоская головка винта со шлицем. Куда повернуть шлиц: по часовой стрелке или против? Как поставить мину на предохранитель? Стал вспоминать различные устройства для включения и выключения: электрический выключатель, дверной замок, подрывную машинку и т.п. Потом решил, что при любом положении шлица можно вывернуть взрывное устройство, ведь оно должно срабатывать только в том случае, если на него сильно надавить: мина-то противотанковая. Но все-таки повернул винт против часовой стрелки. Без особого труда вывинтил взрывное устройство, в котором оказался не один капсюль-детонатор, а несколько. Вот так был разгадан секрет. Встал я, весь мокрый от пота, даже снег подо мной протаял до земли. Оказалось, что над этой миной я колдовал много часов. Потом из немецких мин и консервных банок бойцы наделали много противопехотных мин, которыми и закрыли наш передний край. Приказ комполка был выполнен. Закончив рассказ, дед весело глядел на нас:

– Ну, чего приуныли? Ведь я же живой, и все это было давным-давно!

А мы продолжали молчать, и каждый из нас невольно представлял себя один на один со смертоносной «адской машинкой». Вот уже несколько лет мы отмечаем День Победы без деда Миши. Деда больше нет с нами, но осталась память о нем, его статьи, мемуары, фотографии, видеозаписи. И если включить видео и закрыть глаза, то мы снова вместе. И снова уверенный голос декламирует: «Переправа, переправа! Берег левый, берег правый, Снег шершавый, кромка льда...» Это он. Это про него.

Михаил Кревский. 2010 г.